

ISSN 0131-1212

Качество

9'91

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

П 22
3

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Журнал
издается
с апреля
1924 года.
До октября
1952 года
выпускался
под названием
«Большевик»

Коммунизм

Учредитель
ЦК КПСС

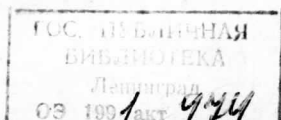
Выходит один раз в 20 дней

9 (1379) июнь 1991

Содержание

НАШ КОММЕНТАРИЙ	О. ЛАЦИС — По схеме или по жизни? 3
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЫБОР. К ДИСКУССИИ ПО ПРОЕКТУ ПРОГРАММЫ КПСС	В. КОЛЛОНТАЙ — Уточним понятия 6 А. ПАНАРИН — От формационного монолога к цивилизованному диалогу 17
ИЗ СОВРЕМЕННЫХ УМОНАСТРОЕНИЙ	А. ТУРКОВ — В ностальгии по ушедшему... 28
ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО	А. СЕМИН — Политические сюжеты из жизни советской школы 36 В. ЦЛАФ — Трудное время демократии 44
ВОЙНА И МИР	Н. ПАВЛЕНКО — Лето 1941-го. Военно-политические причины катастрофы 52
ЭКОНОМИКА	И. КОЛОСНИЦЫН, А. КРАСНОСЕЛЬСКИЙ, С. СИНЕЛЬНИКОВ, Л. ФРЕЙНКМАН — Реформа розничных цен: замысел и реальность 62 В. КИРИЧЕНКО — О цивилизованном отношении к статистике 73 Е. БОГАТОВА — Справедлив ли рынок? 81
ХОРОШО ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ	А. ТОКВИЛЬ — Влияние демократических чувств и идей на политическое общество 86
СОВРЕМЕННЫЙ МИР	К. СОРОКИН — Союзники и партнеры в международных отношениях 95 Ю. ЗАХАРОВ — Перемены в Восточной Европе и новое мышление 105
ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ	В. КУЗНЕЦОВ — Прямые выборы — больше демократии? ♦ А. КРУМИН — Не решая, ничего не решить ♦ М. ХАРИСОН — Об экономическом росте до революции и после нее 115
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ. ИНФОРМАЦИЯ	Я. ДРАБКИН — Почти неизвестная Роза 121 Л. ПОПОВ — Встреча «ревизионизма» ИКП с сокрушающей силой перестройки 125 Китайский журнал о ленинизме 127 Об авторах 128

МОСКВА ★ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ПОЧТИ НЕИЗВЕСТНАЯ РОЗА ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОВУЮ КНИГУ

Издательство политической литературы только что выпустило в новой серии «Библиотека социалистической мысли» капитальный том работ Розы Люксембург¹, появление которого совпадает со 120-летием со дня ее рождения. Об этой книге сотрудник «Коммуниста» В. Трубников беседует с ее составителем и автором предисловия, председателем Центра германских исторических исследований АН СССР профессором Яковом ДРАБКИНЫМ.

— Как вы считаете, многое ли знает современный советский читатель о Розе Люксембург?

— Имя ее как будто у всех на слуху. Есть фабрики и улицы, названные в ее честь. В школьных учебниках говорится, что она была пламенной революционеркой, основателем партии немецких коммунистов, что ее вместе с Карлом Либкнехтом в январе 1919 года зверски убили контрреволюционеры. А еще, что она была марксисткой, но то и дело «ошибалась», за что ее сурово критиковал Ленин... Однако — и в этом типичный парадокс нашего заидеологизированного отношения к истории — в то же время широкая публика не была по-настоящему знакома с биографией, а тем более с книгами, брошюрами, статьями, письмами Розы, составившими в немецком (далеко не полном) издании 11 томов. На русском же языке за последние 60 лет вышло буквально считанное число ее работ, да в журналах и сборниках промелькнуло несколько писем.

— За что же такая немилость? Ведь Ленин в 1922 году писал, что она «была и остается орлом», назвал ее «великой коммунисткой», считал, что ее биография и полное собрание сочинений будут полезнейшим уроком для воспитания многих поколений молодежи.

— В двух словах на это не ответить. Но главное, думаю, в том, что деятельность и творчество Розы Люксембург были так многогранны и в то же время противоречивы, личность ее столь незаурядна, что она никак не вписывалась в нашу шаблонную, одномерную политтрампу. А трагедия ее судьбы, к сожалению, продолжалась и после смерти.

— Не напомните ли о главных вехах ее жизни? Она ведь была недолгой.

— Да, неполных 48 лет. Родилась Роза 5 марта 1871 года в Польше. Варшавской гимназистке и юной революционерке не исполнилось и 18 лет, когда друзья, спасая ее от жандармов, переправили в

Швейцарию. В Цюрихе она окончила университет, защитила докторскую диссертацию о промышленном развитии Польши.

Роза Люксембург стала одним из создателей Социал-демократии Королевства Польского и Литвы, автором ее программы. В 1898 году она переехала в Германию, где, оставаясь руководителем польской партии, заняла вскоре видное место на левом фланге германской социал-демократии. Она заявила о себе уже в самом конце XIX века острой полемикой с ревизионизмом Бернштейна, а затем и Мильерана, впоследствии с центризмом Каутского.

— А не считаете ли вы, что ее критика этих деятелей устарела или даже, скажу резко, ошибочна? Мы по-иному, более взвешенно и объективно, стремимся оценить вклад в развитие социалистической мысли не только Каутского, но и Бернштейна, их роль в международном рабочем движении.

— Нет, не считаю, ибо убежден, что подход и оценки должны быть конкретно-историческими. Каждого деятеля нужно оценивать прежде всего в контексте его времени, а не с позиций сегодняшнего дня. Читатель найдет в томе самую яркую брошюру Розы «Социальная реформа или революция?» (1899 год), направленную против Бернштейна, сможет сам оценить ее аргументацию. Если он проявит терпение, то дождется публикации в этой же серии и самих работ Бернштейна, Каутского. Пока же ему стоит вникнуть в обстоятельства великого спора на рубеже веков, исходя из ситуации того времени. Правы ли те, кто взял курс на ниспровержение капитализма, или истина была на стороне последователей его постепенного реформирования? В отличие от Бернштейна Роза вместе с Бебелем, Каутским, Плехановым, Лениным и другими считала революцию, а не постепенные реформы магистральным путем социального восхождения человечества.

Читатель, с одной стороны, отметит осуществившееся предвидение Р. Люксембург, что рост милитаризма неизбежно ведет к мировой войне, а с другой — не-

¹ Р. Люксембург. О социализме и русской революции. Избранные статьи, речи, письма. М., Политиздат, 1991, 399 стр.

оправдавшийся тезис о том, что анархия производства «толкает капитализм в безвыходный тупик» (стр. 23)¹. Вероятно, вызовут раздумья и основные предметы тогдашнего спора: о пределах приспособляемости капитализма, о возможности достижения социализма путем социальных реформ, о роли демократии и насилия в этом движении к цели.

Естественно, что почти столетие, минувшее со времени дискуссии, огромные исторические сдвиги во всем мире по-новому расставили не только акценты в продолжающемся споре теоретиков, но и требуют глубокого переосмысления содержания самих понятий «капитализм» и «социализм», «революция» и «реформа». Но разве нынешний мир стал бы таким, каков он есть, если бы революционные марксисты в начале XX века капитулировали перед сторонниками реформизма, отреклись вообще от революционной пролетарской борьбы с империализмом и милитаризмом, против социального и национального угнетения? Стоит к тому же вспомнить и то, что говорил Р. Люксембург о революции еще в 1899 году: «Нам вовсе не нужно видеть в революции вилы и кровапролитие. Революция может произойти и в культурных формах, и если какая-нибудь из них имеет на то шансы, то именно пролетарская; ибо мы последние среди тех, кто хватается за насильственные средства, кто мог бы желать жестокой революции. Но такие меры зависят не от нас, а от наших противников...»

— *Что еще найдет читатель в подготовленном вами томе?*

— Здесь также собраны статьи, речи и письма Розы о революции 1905—1907 гг. в России и Польше, активной участницей которой она стала. Ей принадлежит самый глубокий анализ революции, данный зарубежным социалистом.

Р. Люксембург была не только профессиональным политиком, но и крупным теоретиком. В ее работах прослеживается вдумчивое, далекое от догматизма отношение к наследию основоположников. Так, в статье «Застой и прогресс в марксизме» (1903 год) она обратила специальное внимание на то, что социал-демократия перестала разрабатывать экономическое учение Маркса, а довольствуется тем, что извлекает из него и обильно цитирует «отдельные куски», пользуется устаревшими идеями, утратившими пригодность, вместо того чтобы использовать марксовы теоретические импульсы для продвижения вперед (см. стр. 212). «Та капиталистическая зрелость, которую Маркс в 60-е годы изучил и описал на основе английских условий, — писала она в 1913 году, — оказалась беспомощным, лепечущим детством в сравнении с нынешним, охватывающим весь мир господством капитала и с отча-

янной дерзостью его теперешней империалистической... фазы» (стр. 217). Не забудем, что это написано почти 80 лет назад!

— *Сегодня фактически неизвестны в нашей стране и ее экономические работы, представляющие большой интерес. На Западе давно широко введены в научный оборот такие ее заметные исследования, как написанная в тюрьме в годы войны работа «Накопление капитала, или Что сделали эпигоны из марксовой теории. Антикритика» и посмертно изданный курс лекций «Введение в политическую экономию». Найдет ли их читатель в вашем томе?*

— К сожалению, ни тема сборника, ни его объем не позволили включить эти труды Р. Люксембург. Но, разумеется, было бы полезно познакомить нашу общественность не только с этими работами, но и с еще одной, нашумевшей в канун первой мировой войны книгой Розы — «Накопление капитала. К вопросу об экономическом объяснении империализма» (1913 год). Сегодня, когда мы заново осмысливаем теоретические подходы к капитализму, было бы полезным наряду с ленинскими трудами включить в нашу аналитическую работу и оценки империализма, данные Р. Люксембург, Ю. Мархлевским и другими теоретиками тогдашней социал-демократии. Надеюсь, что наши издательства не замедлят выпустить хотя бы сборник основных экономических произведений Розы.

— *Можно ли считать, что Роза Люксембург как политик и исследователь целиком принадлежит истории? Не поблек ли от времени ее образ?*

— Во все нет. Диапазон ее творчества был поразительно широк. Как и другие революционеры того времени, она органично сочетала борьбу против милитаризма и империализма с защитой культуры и гуманитарных ценностей. Взять хотя бы ее отношение к русской литературе.

В том вошли две ее статьи о творчестве Льва Толстого, выдержки из личных писем о нем. Она предстает в этих материалах не только как глубокий ценитель художественного мастерства писателя, а и тонкий истолкователь его социальных воззрений. Она видела его могучую силу в глубине социального анализа, в неутомимом поиске истины. Она не считала Толстого-художника антиподом Толстого-моралиста, а полагала, что в основе его гениальности лежит цельное мировоззрение «самого истинного социализма» (стр. 251).

В большой вступительной статье к переведенной ею на немецкий язык книге В. Короленько «История моего современника» Р. Люксембург высказала множество интересных мыслей об общественной роли русской литературы XIX — начала XX века, о значении мировоззрения в творчестве художника, о месте насилия в истории.

Вообще талант Розы Люксембург был редкостно цельным и вместе с тем много-

¹ Здесь и далее в скобках указаны страницы выпущенного Политиздатом тома работ Р. Люксембург.

гранным. Идеи противники опасались ее точной аргументации, изящной иронии, а иногда и гневного сарказма. У этой женщины маленького роста с большой головой и черными задумчивыми глазами был звонкий мелодичный голос, который заставлял замирать переполненные залы. Ее речи были образными и предельно искренними, она обладала поразительным даром убеждения. Роза рисовала, писала маслом, любила путешествовать. Театр и музыка были ее страстью. Она считала, что жить надо, как свеча, зажженная с двух концов, а о себе писала, что надеется умереть на посту: в уличном бою или на каторге (см. стр. 292). Почти так и случилось.

— *Какой же была позиция Розы Люксембург во время мировой империалистической войны, которая принесла небывалый разгул кровавого насилия?*

— Скажу только, что германские власти считали Розу опаснейшим противником милитаризма и войны и продержали ее в тюрьмах свыше трех лет. Но она и там продолжала свою борьбу, стала автором широко известных в кругах международной социал-демократии антивоенных статей и брошюры «Кризис социал-демократии», подписанной псевдонимом Юниус. Кстати, многие запомнили критику Лениным ряда положений этой брошюры, но позабыли или не заметили, что он назвал ее «прекрасной марксистской работой».

— *Что вы можете сказать об отношении Розы Люксембург к Октябрьской революции, к программе и действиям большевиков?*

— Ее работы об этом составили целый раздел тома. Написанные в тюрьме, они, естественно, отмечены печатью недостатка живой информации, однако поражают уникальным для зарубежного современника проникновением в сущность событий, пониманием их сложности, осознанием значимости Октября.

Рассматривая Брестский мир, навязанный Республике Советов германским милитаризмом, она высказала опасение, что принесенные народом жертвы могут оказаться напрасными, а положение большевиков безвыходным. Так, в статье «Русская трагедия» она писала: «Осуществить пролетарскую диктатуру и социалистический переворот в одной отдельной стране, окруженной со всех сторон жестоким господством империалистической реакции, вокруг которой бушует самая кровавая во всей истории человечества мировая война, это — квадратура круга» (стр. 305). При этом главную вину за возможную трагедию Российской революции Р. Люксембург возлагала на лидеров международной, особенно германской, социал-демократии.

В то же время она высказала нелицеприятную критику тактики большевиков. Немецкие публикаторы статьи не согласились с острыми замечаниями Розы и оговорили в своем примечании, что все труд-

ности в России вытекают из объективного положения, а не из субъективных действий российских коммунистов.

В ответ на это примечание Р. Люксембург написала в конце сентября — начале октября 1918 года в Бреславльской тюрьме ставшую позже знаменитой «Рукопись о русской революции» — незавершенную, фрагментарную брошюру, не предназначенную для немедленного опубликования. Она попыталась в ней разобраться в соотношении объективных и субъективных факторов накануне и после Октябрьской революции.

— *И эта работа впервые на русском языке, если не считать публикации в журнале для специалистов «Вопросы истории» (1990, № 2), напечатана в сборнике? Почему советские читатели не могли познакомиться с ней раньше?*

— В сталинское время она была строго засекречена, хотя хранилась в Москве. Но и до последнего времени ее нельзя было напечатать, поскольку в ней высказан ряд серьезных критических замечаний в адрес «политики Ленина — Троцкого», да еще по узловым проблемам диктатуры пролетариата, демократии и свободы при социализме.

«Рукопись» острополюсична. Роза сама указала, что первой ее задачей было опровержение утверждений Каутского и меньшевиков, будто в России вообще невозможна социалистическая революция. Отсюда вытекает высокая оценка деятельности большевиков, героизма российских пролетариев: «Ленин, Троцкий и их товарищи в полной мере проявили мужество, решительность, революционную дальновидность и последовательность, на какие только способна партия в исторический час» (стр. 314).

Вместе с тем Р. Люксембург считала себя не только вправе, а и обязанной дать критический разбор деятельности большевиков, ибо «только обстоятельная, вдумчивая критика способна раскрыть сокровища опыта и уроков». Не следует опасаться, подчеркивала она, что критика «подорвет авторитет и привлекательность примера российских пролетариев...» (стр. 308, 309).

В «Рукописи» проявились давние разногласия между нею и Лениным по крестьянскому и национальному вопросам, но на первый план выдвинулись вопросы о соотношении демократии и диктатуры, насилия и свободы. Она не была противником революционного насилия вообще, но ее серьезно беспокоило (и мы теперь ясно видим, что для того были реальные основания), как бы не были подавлены заодно революционная активность и самостоятельность трудящихся, как бы широкое применение террора против врагов революции не привело к уродливой деформации морали самих революционеров, как бы диктатура пролетариата не выродилась в неограниченную власть вождей.

Вот несколько предвосхищений Розы, весьма актуальных и сегодня. «Без всеобщих выборов, неограниченной свободы печати и собраний, свободной борьбы мнений замирает жизнь в любом общественном учреждении, она превращается в видимость жизни, деятельным элементом которой остается одна только бюрократия. Общественная жизнь постепенно угасает, дирижируют и правят с неумной энергией и безграничным идеализмом несколько дюжин партийных вождей, среди них реально руководит дюжина выдающихся умов, а элита рабочего класса время от времени созывается на собрания, чтобы рукоплескать речам вождей, единогласно одобрять предложенные резолюции. Итак, по сути — это хозяйничанье клики; правда, это диктатура, но не диктатура пролетариата, а диктатура горстки политиков, т. е. диктатура в чисто буржуазном смысле... Более того: такие условия должны привести к одичанию общественной жизни — покушениям, расстрелам заложников и т. д. Это могущественный объективный закон, действия которого не может избежать никакая партия» (стр. 330).

«Свобода лишь для сторонников правительства, лишь для членов одной партии — сколь бы многочисленными они ни были — это не свобода. Свобода всегда есть свобода для инакомыслящих. Не из-за фанатизма «справедливости», а потому, что от этой сути зависит все оживляющее, исцеляющее и очищающее действие политической свободы; оно прекращается, если «свобода» становится привилегией» (стр. 327).

В «Рукописи» ошибки и просчеты большевиков неоднократно объясняются труднейшими, фатальными условиями, несостоятельностью германского пролетариата, германской оккупации. Но моральная высота и принципиальность подхода Розы Люксембург проявились в убеждении, что ошибка не перестает быть таковой и тогда, когда она вынуждена. Опасность, считала она, начинается, когда «нужду выдают за добродетель...» (стр. 332).

— Однако, как известно, Ленин в «Заметках публициста» в 1922 году негативно оценил эту рукопись, указав, что Роза «ошибалась в своих тюремных писаниях 1918 года».

— Я склонен думать, что по этому вопросу Владимир Ильич был не совсем прав. Р. Люксембург не только в чем-то ошибалась, но и высказала в этой работе немало пронизательных суждений, верных и в наши дни.

— В начале беседы вы заметили, что трагедия Розы Люксембург продолжалась и после ее гибели. Что вы хотели этим сказать?

— Я имел в виду судьбу ее литературного наследия, особенно в нашей стране.

Парадоксально, но факт: в посмертном умалении и искажении ее вклада в теоретическую разработку важнейших проблем марксизма, в обобщение исторического опыта начала XX века повинны не столько ее идейные противники, сколько некоторые бывшие соратники. Если при жизни враги именовали ее «кровавой Розой», обвиняли в намерениях перенести в Германию «русские методы» и травили как «агента большевизма», то позднее ее старались, наоборот, противопоставить Ленину и большевикам, как представителя особьего, «западноевропейского» демократического социализма.

Так, в 1922 году порвавший с компартией Германии Пауль Леви опубликовал «Рукопись о русской революции» с тенденциозным комментарием, обьявив брошюру антибольшевистским «политическим завещанием» Розы. В обстановке острых политических споров в РКП(б), КПГ и Коминтерне после смерти Ленина А. Тальгеймер приписал ей некую «теорию автоматического краха капитализма», а К. Радек — соавторство в сочинении троцкистской «теории перманентной революции». Дальше — больше. В 1925 году V пленум ИККИ в тезисах о большевизации партий объединил едва ли не все «отклонения от ленинизма» — как «левые», так и правые, — под зловещей рубрикой «ошибки люксембургянства». Под это ложное «обобщение» были подогнаны практически все не устраивавшие тогдашнее руководство Коминтерна представления о соотношении стихийности и сознательности, об организации и массах, о вооруженном восстании, по крестьянскому и национальному вопросам, о роли профсоюзов и т. д. Но еще более роковым был суммирующий тезис, гласивший, что «чем ближе к ленинизму» стоят такие деятели, как Роза Люксембург, «тем опаснее взгляды их в той части, в которой, будучи ошибочными, эти взгляды не совпадают с ленинизмом».

Едва ли сочинители этой чудовищной иезуитской формулы предвидели, что с ее помощью и сами будут один за другим отлучены от ленинизма, пока наконец монополия на его толкование не достанется Сталину. Когда же тот в 1931 году в известном письме в журнал «Пролетарская революция» ошельмовал всех германских левых социал-демократов, особенно Розу Люксембург, как «полуменьшевиков», ее сочинения по-русски вскоре перестали выходить вовсе. Прекратилось и немецкое издание ее работ.

Только в 60-е годы немецкие и польские историки взялись за восстановление истинного облика Розы. Мы и здесь отстали на десятилетия. Поэтому выход этого тома открывает новые встречи широкого круга советских читателей с Розой Люксембург. Надеюсь, что они будут продолжены.